

Н. М. Акопянц

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В РОМАНЕ

А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

Драматический опыт преодоления смертельной болезни и мучительного поиска незыблемых основ бытия на фоне жестокого, определяющего преобладания общественно-политической жизни над трагедией отдельно взятого человека нашел свое художественное воплощение в романе А. И. Солженицына «Раковый корпус» (1963–1967).

Существенный автобиографический элемент во многом предопределил выбор героев, место и время действия в романе. Как заключил Жорж Нива в своей монографии, посвященной А. И. Солженицыну: «Раковый корпус выстроен, в первую голову, на опыте собственной болезни: биопсия, сделанная в лагере, две госпитализации в Ташкенте, куда приезжает «умирающий» ссыльный из Кок-Терека» [2, с. 67–68]. В произведении изображены события начала 1955 года. Герой Солженицына, как и сам автор, проходит курс лечения в онкологической клинике в статусе навечно ссыльного среди других онкологически больных, людей разных взглядов, возрастов и социальных статусов. Всех обитателей палаты объединяет бессилие перед лицом смертельной болезни и желание жить. Однако есть и разъединяющий фактор, поскольку происходит если не беспрецедентное, то очень редкое явление, – в одной палате встречаются и вынуждены сосуществовать два идеологических лагеря, представленные палачами и жертвами тоталитарного режима, апологетами и борцами с системой, теми, кто социально и политически мимикрировал, и теми, кто продолжал бороться, теряя свободу передвижения и общественные блага.

Вынашиванию идеи и написанию «Ракового корпуса» предшествовала долгая и мучительная болезнь писателя, которая нашла свое отражение в произведении. Особенность изучения романа состоит в том, что помимо сложной и многоступенчатой истории создания, произведение имеет не менее витиеватую предысторию написания, напрямую связанную с основными событиями в личной биографии писателя, на которых представляется целесообразным остановиться подробнее.

22–28 января 1952 года Солженицын, находясь в лагере, стал участником Экибастузской «смуты». Как фиксирует Жорж Нива в своей книге о Солженицыне, «сразу после этого бунта (который перекинулся на лагерь в Джезказгане и Кенгире), 12 февраля, лагерный хирург в лагерной больнице оперирует Солженицына по поводу злокачественной опухоли в паху. Ткань, иссеченную при биопсии, отправляют на анализ в «вольную» лабораторию, результаты теряются. Больной быстро поправляется и выписывается из больницы 26 февраля» [2, с. 14]. Однако вскоре после операции обнаруживает, что его имя числится в списке отправляемых по этапу специального назначения. Историю о халатном отношении лагерных врачей, не отдавших должного внимания заботе о состоянии здоровья пациента, писатель

перенесет в рассказ возмущенного Костоглотова при встрече с доктором Донцовой: «начальница санчасти мадам Дубинская дала согласие. Дала согласие, зная, что я ходить не могу, что у меня швы не сняты, вот сволочь!.. Простите... Ну, я твёрдо решил: ехать в телячьих вагонах с неснятыми швами – загноится, это смерть. Сейчас за мной придут, скажу: стреляйте тут, на койке, никуда не поеду. Твёрдо! Но за мной не пришли» [9, с. 65]. В учетной части обнаружили, что Солженицыну оставалось пребывать в заключении меньше года – «обычно малосрочников не перемещали» [5, с. 381]. Однако по этапу был взят хирург, оперировавший Солженицына, Карл Федорович Донис, в романе писатель называет его «мой смиреннейший Карл Федорыч», искренне сожалея о его участи. Историю с затерявшимися гистологическими анализами, которые свидетельствовали о природе первичной опухоли, Солженицын доверит рассказать герою своего романа «Раковый корпус» Костоглову.

Дальнейшим местом пребывания Солженицына после лагеря в феврале 1952 года стала ссылка в ауле Кок-Терек, в романе преобразованном в Уш-Терек, Джамбульской области (Казахстан). Испытывая душевный подъем от обретенной свободы, хотя и в качестве «вечного ссыльного», но уже не заключенного, и счастье от вернувшейся к нему жизни, Солженицын заключит: «То ли место любить на земле, где ты выполз кричащим младенцем, ничего ещё не осмысливая, даже показаний своих глаз и ушей? Или то, где первый раз тебе сказали: ничего, идите без конвоя! сами идите!» [9, с. 231]. Главу в романе о временах ссылки писатель назвал «Воспоминание о Прекрасном», запечатлев в ней свое пребывание в ауле после долгих лет лагерей. Обзаведясь жильем в глинобитной хатке, Солженицын занимался педагогической деятельностью в школе и вскоре сошелся с семейством ссыльных, Зубовыми, в романе выведенными под фамилией Кадминых. Семья поразила писателя своей стойкостью, высокой нравственностью и «отношением сердец и точкой зрения на свою жизнь» [9, с. 230]. В романе Костоглов пишет письмо Кадминым, начиная его обращением к «Елене Александровне и Николаю Иванычу» [9, с. 255], настоящим именам Зубовых. «Николай Иванович, врач-гинеколог, знал языки, историю, архитектуру и многое другое. Елена Александровна тоже тонко чувствовала литературу, поэзию, музыку. Зубовы обладали прекрасными свойствами радоваться малому» [3, с. 31]. Первая жена писателя Решетовская в своих воспоминаниях отмечает и глубокую привязанность Солженицына к их собакам Жуку и Тобику [3, с. 31–32], которые многократно появляются в воспоминаниях Костоглотова о ссылке жизни.

Однако на смену радости выздоровления через год пришла горечь ощущения возвращающейся болезни: опухоль дала метастазы. 31 декабря 1953 года Солженицын покинул Уш-Терек на время лечения в Ташкенте. «Два раза он добирается до Ташкента полумертвым, как Костоглов в «Раковом корпусе» [2, с. 14]. Первую ночь пришлось спать на вокзале; 2 января 1954 он пришёл в онкодиспансер и два дня лежал на полу в вестибюле, пока 4-го его не положили в клинику [5, с. 401]. В этом плане памятны воспоминания Ирины

Емельяновны Мейке, которая во многом послужила прототипом образа доктора Веры Гангарт в романе «Раковый корпус»: «Это был относительно молодой человек (тридцати пяти лет, как я потом узнала), высокого роста, в заплатанной шинельке, с маленьким военным таким же заплатанным рюкзачком. Свернувшись, он лежал на полу; был сильный дождь, он был весь промокший. Скамейки были заняты, а в нашем рентгеновском коридоре, доступ в который был закрыт, тоже были скамейки, и на них можно было лежать. И я распорядилась, чтобы его туда поместили и дали какой-то матрасик. Он этот момент потом надолго запомнил, а я, конечно, обо всем этом забыла» [1, с. 9]. Солженицын действительно запомнил его первую встречу со своим лечащим врачом и художественно преобразил ее в знакомство Веги с Костоглотовым в романе «Раковый корпус», при описании которого поражает предельная точность воспроизведения событий, упомянутых Мейке: «Вера Корнильевна вышла и увидела, что прямо на полу около запертой каморки старшей сестры, близ большой лестницы, вытянулся долговязый мужчина в сапогах, изрыжевшей солдатской шинели, а в ушанке – гражданской, тесной ему, однако тоже натянутой на голову. Под голову он подмостил вещмешок и по всему видно, что приготовился спать» [1, с. 56].

4 января 1953 года Солженицын был отправлен на стационарное лечение, к нему применялись лучевая и химиотерапия, переливание крови. Можно предположить, что уже тогда на территории больницы осуществлялся первый сбор материала для произведения, которое спустя десять лет приобрело очертания романа «Раковый корпус». Об этом свидетельствуют воспоминания доктора Мейке, которая, пытаясь воссоздать в памяти образ своего подопечного больного, который по прошествии лет станет знаменитым писателем, говорит о примечательной черте пациента: «Помнили только, что он ходил по клинике и что-то писал вот на таких маленьких клочочках. Что писал – мы не знали, думали, что он пишет на нас какую-то жалобу (как всегда, это было очень модно). А тут-то мы поняли, что он писатель и писал что-то свое, глубокомысленное, о чем мы не знали» [1, с. 9].

18 февраля 1954 года Солженицын был выписан из диспансера и вернулся в Кок-Терек. В эти дни писатель переживает духовное перерождение, видя смысл дальнейшей жизни в творчестве: «Однако я не умер (при моей безнадежно запущенной острозлокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращённая мне жизнь с тех пор – не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель)» [7, с. 11]. После состояния близкого к смерти Солженицын окончательно приходит к христианству.

Пережитый опыт переосмысления жизненных ориентиров и утверждения в православной вере писатель доверит высказать в романе «Раковый корпус» главному герою Костоглотову: «За эту осень я на себе узнал, что человек может переступить черту смерти, ещё когда тело его не умерло. Ещё что-то там в тебе кровообращается или пищеварится – а ты уже, психологически, прошёл всю подготовку к смерти. <...> Хотя ты не причислял себя к христианам и даже

иногда напротив, а тут вдруг замечаешь, что ты таки уже простил всем обижавшим тебя и не имеешь зла к гнавшим тебя» [9, с. 30].

Ход лечения требовал повторного курса терапии в Ташкенте в августе 1954 года. Именно тогда летом в день выписки из больницы был задуман роман «Раковый корпус». О неожиданном осознании пережитой трагедии как благодатного материала для произведения А. И. Солженицын поведал Н. А. Струве в телеинтервью: «Когда задумаешь – этот момент внезапен. Раз я шел, выйдя из диспансера, шел по Ташкенту, в комендатуру, и вдруг меня стукнуло, вот почти все из «Ракового корпуса» [8, с. 425].

Отдельные герои будущего романа уже были восприняты и творчески осмыслены, по словам автора: «...все, что линия Костоглотова, всю ее во всяком случае... А линию Русанова по разговору моих соседей, я ведь с ним не лежал, по разговору однопалатников. Я подумал: вот так это можно было бы написать» [8, с. 425]. По признанию писателя, Русанов вобрал в себя истории жизней одного из работников МВД и школьного парторга. Относительно долагерной биографии Костоглотова, то Решетовская вспоминает, что ею стала биография Ильи Соломина, сержанта батареи, в которой воевал Солженицын [4, с. 135]. Целостный же образ главного героя рассматривается исследователями как в крайней степени автобиографичный: «Все взято из обжигающих еще воспоминаний о первых шагах ссыльного, которому, едва "освободившись", едва получив право ходить по этой земле без конвоя, пришлось столкнуться с опухолью и с новым вариантом все того же вопроса: какую цену платить за жизнь? Этот Олег Костоглов, скандалист, упрямец, студент географического факультета Ленинградского университета в 1938 году, призванный в армию девятнадцати лет от роду, ставший землемером в своей уш-терекской ссылке, – конечно же, снова сам Солженицын» [2, с. 68].

Списаны с реальности и другие образы романа: истинная история болезни Вадима Зацырко взята с образа его здорового брата, которого автор знал лично, таким же соединением двух лиц получен Ефрем Поддуев, прототипом Демки стал Юра Маслов, мальчик с больной ногой; сосед по палате Шулубин не имеет частных прототипов. В чертах десятиклассницы Инны Штрем, в книге занимавшейся параллельно с учебой метеонаблюдениями, узнается Елена Ивановна Шмидт, ученица Солженицына, а позднее преподаватель немецкого языка [6, с. 193].

Большинство же прочих больных списаны с натуры, и многие оставлены под своими именами. Так, например, земский врач Сергей Николаевич Маслеников на самом деле заочно, по переписке, излечил от рака Александра Солженицына и потом был описан в книге «Раковый корпус» в разговоре о возможности чудодейственного излечения Костоглотова с однопалатниками. В действительности также жил и осуществлял лечебную практику «старик Кременцов, борода академика Павлова», о способностях которого Олег рассказывает с неподдельным восхищением в семнадцатой главе романа. Также почти без изменений изображена заведующая лучевым отделением Лидия

Александровна Дунаева, по роману Людмила Афанасьевна Донцова, «мама», как любовно ее называют ученики. Прототипом Елизаветы Анатольевны, фигурирующей в тридцать четвертой главе, стала единомышленница и друг писателя [Елизавета Денисовна Вороньянская](#). Примечательна и история происхождения немецкой фамилии лечащего врача Костоглотова Веры Корнильевны Гангарт: по воспоминаниям Решетовской, Солженицын взял ее из «золотой книги» Рязанской гимназии за 1904 год [2, с. 51].

Ирина Мейке, ставшая прототипом Веги, добавила новые штрихи к портрету своей героини, исходя в своих воспоминаниях из личной переписки с А. И. Солженицыным: «Надо сказать, что Александр Исаевич все время извинялся, что в этой книге мой образ как врача такой, какая я есть, а вот образ как женщины написан так, как ему было удобно как писателю» [1, с. 9]. 28 марта 1963 года, чтобы освежить воспоминания о временах его болезни, писатель обратился в письме к своему бывшему лечащему врачу Ирине Емельяновне с просьбой написать о себе: «Мне хочется, чтобы Вы или такой же человек, похожий на Вас, по Вашему желанию, можно ближе или дальше, ходил бы по моей девятой палате и улыбался Вашей приветливой улыбкой» [1, с. 9].

Должного внимания заслуживает перенесение в роман и фактологических деталей. Так, например, корпус больницы, в котором лечился Солженицын на самом деле был обозначен номером тринадцать, как это выведено в романе, а статья В. М. Померанцева «Об искренности в литературе», опубликованная в 1953 году в журнале «[Новый мир](#)», стала предметом активных дискуссий и переходила из рук в руки не только в палате героев художественного мира Солженицына, но и в пору болезни писателя.

Однако к идее художественного преобразования в действительности существующих личностей в онкологически больных героях своего произведения Солженицын вернулся только через шесть лет после выздоровления в своем рассказе «Правая кисть» (1960), который Жорж Нива назвал «отростком» романа «Раковый корпус», и прошло еще одиннадцать лет после его пребывания в больнице, прежде чем он завершил сам роман «Раковый корпус» (1963–1967). В этом проявляется одна из характерных особенностей творчества А. И. Солженицына – спустя годы возвращаться к событиям автобиографического характера и осмысливать их в свете художественной самоценности.

Литература

1. Буров А. «Врачу моему, помешавшей мне умереть...» [Воспоминания героини «Раковый корпус»] // Кифа. – Август, 2003. – № 8 (11). – С. 9.
2. Нива Ж. Солженицын / Ж. Нива ; [пер. с фр. Симона Маркиша в сотрудничестве с автором]. – М. : Худож. лит., 1992. – 189, [2] с.
3. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия / Н. А. Решетовская. – М. : Сов. Россия, 1990. – 413, [2] с.
4. Решетовская Н. А. Отлучение: Из жизни Александра Солженицына: Воспоминания жены / Н. Решетовская. – М.: Изд-во «Мир книги», 1994.–367 с.

5. Сараскина Л. Солженицын / Л. Сараскина. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 959[1] с.
6. Соколовский Р. Солженицын в Казахстане / Р. Соколовский // Лит. учеба. – 2008. – № 6. – С. 186–193.
7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом : Очерки литературной жизни / А. И. Солженицын. – [2-е изд., испр.]. – М. : Согласие, 1996. – 687, [1] с.
8. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. / А. И. Солженицын. – Ярославль : Верх.- Волж. кн. изд-во, 1996. – Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. – 1996. – 624 с.
9. Солженицын А. И. Раковый корпус: Повесть/А. И. Солженицын. – М.: Худож. лит., 1990. – 462 с.

Аннотация

Акопьянц Н. М. Автобиографический элемент в романе А. И. Солженицына “Раковый корпус”. В романе А. И. Солженицына “Раковый корпус” налицо существенный автобиографический элемент, который реализован при изображении в произведении врачей и онкологических больных. В статье речь идет о том, что именно существенное многообразие биографического материала во многом предопределило выбор героев, место и время действия в романе. Автор работы выявляет взаимосвязь реально происходивших событий и в действительности существующих персоналий с художественным вымыслом и прототипами героев романа соответственно. **Ключевые слова:** автобиографический элемент, прототип, предыстория и история создания.

Анотація

Акоп’янц Н. М. Автобіографічний елемент в романі А. І. Солженіцина «Раковий корпус». В романі А. І. Солженіцина «Раковий корпус» яскраво присутній автобіографічний елемент, який реалізований при зображенні у творі лікарів та онкологічних хворих. У статті мова йде про те, що саме істотне багатоманіття біографічного матеріалу багато в чому детермінувало вибір героїв, місце і час дії в романі. Автор праці виявляє взаємозв’язок реальних подій і в дійсності існуючих персоналій з художнім вимислом і прототипами героїв роману відповідно. **Ключові слова:** автобіографічний елемент, прототип, передісторія й історія створення.

Summary

N. M. Akopjants. Autobiographical element in the novel «Cancer Ward» by O. I. Solzhenitsyn. Autobiographical element in the novel «Cancer Ward» by O. I. Solzhenitsyn is represented on the example of the doctors and patients. It is going about that it is the variety of biographical material that mainly predetermines the choice of heroes, place and time of acting in the novel. The author of the work discovers the connecton between really existing events and persons and fiction plot and prototypes.

Key words: autobiographical element, prototype, prehistory and history of writing.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Л. Г. Фризманом.